

ЧУМНЫЙ БУНТ В МОСКВЕ В 1771 ГОДУ

П. 'Алефиренко

О чумном бунте в Москве в 1771 г. в советской исторической литературе имеется только одна статья — Е. Звягинцева. В этой статье он даёт общий очерк чумы в Москве и лишь вскользь касается самого бунта. В буржуазной историографии этому вопросу посвящено около десяти статей. Наиболее полный и интересный материал дан в статьях С. Соловьёва «Москва в 1770 и 1771 гг.», Зерцалова «О мятежах в городе Москве и в селе Коломенском 1648, 1662 и 1771 гг.»; Д. Мордовцева «Чума в Москве 1771 г.» и Брикнера «О чуме в Москве 1771 г.». Названным авторам была известна большая часть материалов о чумном бунте, а именно: «Описание моровой язвы, бывшей в столичном городе Москве с 1770 по 1772 г.» (изд. 1-е, М. 1775); «Донесения главнокомандующего Москвы П. Салтыкова, генерал-поручика Еропкина на обер-полицмейстера Бахметьева императрице Екатерине II». Следственное же дело о мятежниках, видимо, знал только Зерцалов.

Упомянутые авторы были знакомы также с воспоминаниями современников о московской чуме и бунте в 1771 г., как-то: «Записки» Болотова, «Описание московского бунта сентября 15-го дня» протоиерея Алексеева, «Записки» Подшивалова и переписка между А. Воронцовым и Г. Орловым, между Воронцовым и Мокеевым, а также письма офицера А. Саблукова к своему отцу и воспоминания Бантыш-Каменского «Жизнь преосвященного Амвросия, архиепископа московского и калужского, убиенного в 1771 г.».

Несмотря на хорошую осведомлённость историков по данному вопросу, мы всё же не находим в существующей литературе правильного освещения причин, способствовавших распространению чумы в Москве и вызвавших чумный бунт. Не освещён его характер и классовый состав участников. Совершенно не затронут вопрос о месте и значении этого события в истории народных движений и истории Москвы.

В описании фактических событий чумного бунта над авторами довлели воспоминания Бантыш-Каменского, племянника архиепископа Амвросия; в освещении же

причин бунта и его социального характера историки придерживались правительственной трактовки.

Первый вопрос, который волновал не только современников, но и историков, писавших о чуме в Москве, был, конечно, вопрос о причинах быстрого и широкого распространения её. Екатерина II основной причиной считала беспечность московского главнокомандующего гр. Салтыкова. В письме к Волжскому она писала: «Болезнь таковая вкралась в сей город не от чего иного, как от послабления тех, коим поручена была безопасность города»¹. Граф Г. Орлов, прибывший по назначению императрицы для борьбы с чумой, в своём воззвании к населению Москвы писал, что главными виновниками распространения чумы являются москвичи. «Целый город и будет со мною, уповаю я, согласен, что сие великое зло... распространилось только главнейше от того, что сперва многие или большая часть жителей по неведению не хотели верить, чтоб болезнь была толь зла и толь прилипчива... От сего неверия произошло сперва пагубное небрежение или беспечность о самих себе, а потом, при умножении зла, робость, уныние и самое отчаяние толико ж по существу и своим следствиям пагубные»².

Такого же мнения в этом вопросе придерживался историк С. Соловьёв. Он винит в распространении чумы московского генерал-губернатора Салтыкова и московское население. «Салтыков продолжал твердить, что карантин не нужно»³. И ниже: «Мы не станем здесь повторять известной о распоряжениях Еропкина, которые не уменьшали, а увеличивали зло, вследствие тупого, как говорят, противодействия народа, не могшего выносить их тягости»⁴.

Мордовцев, наоборот, оправдывал Салтыкова и винил московских докторов. Но и Мордовцев главный упрёк бросал москвичам: «Избавляя... свои дома от караулов, а

¹ «Русская старина», 1876 г., октябрь, стр. 195.

² Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА), ф. Правительственного сената, 5 деп., 1771—72 гг., д. 6/№, л. 19.

себя от карантина и соединённого с ним расстройства в хозяйствах, москвичи, что называется настеж растворили в свои дома двери и окна для чумы»³.

Что же в действительности послужило главной причиной быстрого распространения чумы в Москве?

По заданию Екатерины в 1772 г. была создана комиссия, которая должна была собрать материал о причинах распространения чумы в Москве и о мерах борьбы с ней. Комиссией был собран значительный материал и представлен императрице в виде тома под названием «Описание моровой язвы, бывшей в столичном городе Москве с 1770 по 1772 г.». Из этого материала узнаём, что москвичей больше, чем сама чума, пугали крайне плохо поставленные карантинные дома, в которые направлялись как явно, так и сомнительно больные чумой на срок от 20 до 40 дней и оставались там почти без ухода и питания. Особенно плохое впечатление на москвичей произвёл указ о сожжении вещей, принадлежавших умершим или заболевшим чумой. Согласно этому указу, сожжению подлежали все вещи больного, независимо от того, пользовался ли он ими во время болезни или нет. За уничтоженные вещи правительство, за редким исключением, не платило.

О тяжёлых последствиях этого указа для населения Москвы комиссия вынуждена была констатировать: «Увидя обыватели сие установление, стали таковые пожитки более укрывать, и в другие дома перевозить, а через то час от часу заразительную болезнь по городу размножать, стараясь притом утаивать занемогающих и умирающих»⁴. Одной из причин распространения чумы, несомненно, являлось то обстоятельство, что ввиду тяжёлых расходов по похоронам чумных покойников (похоронить умершего по церковному обряду стоило не менее 6—8 руб.), их хоронили тайно в своих дворах, садах либо, раздев догола, выбрасывали на улицу.

Современник Подшивалов, описывая это страшное время в Москве, отмечал, что «трупы умерших выбрасывались на улицу, тайно зарывались в садах, огородах и подвалах»⁵. По этому поводу последовал указ Екатерины, который грозил вечной каторгой за выбрасывание мёртвых на улицу. Но количество выбрасываемых на улицу покойников не уменьшалось, а быстро возрастало, так как моровая язва в августе 1771 г. уносила уже от 400 до 500 человек в день⁶.

Нельзя не остановиться на распоряжении генерал-губернатора Москвы о закрытии

торговых бань для простого народа: «Дабы в случае кроющейся где-нибудь по городу заразы, не могла она таким тесным и ближайшим прикосновением, каково в банях бывает, более сообщена быть»⁷, — писалось в распоряжении гр. Салтыкова.

Это постановление находилось в противоречии со всеми правилами предохранения от моровой язвы, в которых рекомендовалось содержать себя в чистоте и часто мыться. Итак, все выглядевшие формально правильными распоряжения Салтыкова и Еропкина по существу были издевательством над московским людом. Именно эти полицейско-бюрократические мероприятия и были основной причиной, способствовавшей быстрому распространению чумы в Москве. Отмена всех этих бюрократических постановлений и проведение ряда разумных санитарных мероприятий по борьбе с чумой быстро снизили смертность в Москве. Но эти разумные мероприятия правительством стали проводиться лишь после народных волнений в Москве.

В это тяжёлое время московское население почувствовало во всей силе тяжесть и произвол феодальной системы. Помещики в большинстве уехали из Москвы в свои дальние или подмосковные имения, оставив своих дворовых людей в Москве без продовольствия, врачебной помощи и на произвол полиции. Рабочие люди мануфактур голодные бродили по улицам без работы, так как по распоряжению правительства многие мануфактуры были закрыты, а на тех мануфактурах, которые продолжали работать, все вольнонаёмные рабочие подлежали увольнению и выезду из Москвы. Крепостных же рабочих строгонастроено запрещалось выпускать с фабрик. Этими мероприятиями правительство рассчитывало сократить население в Москве как в целях борьбы с моровой язвой, так и для удаления неблагонадёжных элементов. Не легче было и положение мелких торговцев и ремесленников. Ремесленники не могли сбывать своих изделий из-за карантина, цены же на съестные припасы быстро росли. «С нуждою можно что купить съестное, работ нет, хлебных магазинов нет»⁸, — доносил гр. Салтыков Екатерине 11 14 сентября 1771 года.

Правители Москвы, закрывшись в своих домах, отдали москвичей в полное распоряжение полиции, которая, по словам современника Болотова, «занималась единым только выволакиванием кроющихся из домов зачумелых и погибших от заразы, вываживанием их за город и зарыванием в большие ямы»⁹. Но и это делала не сама полиция, а осуждённые колодники, «моргусы», одетые в воцанное платье с дырами для глаз и рта. Колодники врывались в дома и волокли умирающих в ямы, а болевших — без разбора в карантин. Голод, безработица, моровая язва, бюрократизм и произвол полиции обрекли простое население Москвы на вымирание. Народ чувствовал полное

³ Соловьёв С. «Москва 1770—71 г.».

«Русская старина», октябрь 1876 г., стр. 192.

⁴ Там же, стр. 193.

⁵ Мордовцев Д. «Чума в Москве 1771 г.» «Древняя и новая Россия». Т. II, стр. 14. 1875.

⁶ «Описание моровой язвы, бывшей в столичном городе Москве с 1770 по 1772 г.», стр. 63. М. 1775.

⁷ Мордовцев Д. Указ. соч. Т. II, стр. 17.

⁸ «Описание моровой язвы», стр. 83.

⁹ Там же, стр. 63.

¹⁰ Соловьёв С. Указ. соч., стр. 194.

¹¹ «Записки» Болотова, ч. III, стр. 18—19.

безразличие со стороны тех, кто должен был заботиться о благосостоянии города. Всё это вызывало отчаяние, возмущение и обострение классовых противоречий.

Среди москвичей стали раздаваться устные призывы к бунту, «о повестке на бунт». После бунта на допросе арестованные подтверждали, что в народе действительно распространялись призывы и слухи о готовившемся бунте. Дворовому человеку Ананию Иванову говорил Василий Михеев (другой дворовый), что-де «слышал он от десяцкого со съезжей, а как того десяцкого зовут, не сказал, и он Иванов не знает, повестку, что ежели будет тревога, чтоб бежали, и подлинной та повестка была, — он Иванов не знает...»¹².

Допрошенный дворовый Михеев подтвердил слухи «о повестках», «что есть ли будет тревога, чтоб бежали. Слышал же Михеев прежде взятия его под караул недели за две, от народного сказывания»¹³. О том же слышал «прежде смятения» и Московский купец Василий Григорьев: «что когда будут бить в набат и выстрелит пушка, то чтоб всем бежать с оружием в Кремль к собору, слыша сам сие от незнакомых ему людей...»¹⁴.

Следственной комиссии не удалось установить имена организаторов бунта, да и кто мог их назвать? Это мы видим из решения следственной комиссии и из письма очевидца Петра Мокеева к Воронцову: «По всему же следствию и по генеральному суду в Грановитой палате, причин, от чего буйство началось и кем и от кого повестки о сборищах по дворам и в уезде московском чинимы были, ничего не нашлось»¹⁵.

То обстоятельство, что организаторы не были раскрыты, объясняется не строгой конспирацией организаторов бунта, а стихийностью бунта и отсутствием определённых организаторов его.

Бунт нарастал стихийно. Но именно «...стихийность движения есть признак его глубины в массах, прочности его корней, его неустрашимости...»¹⁶, — говорит Ленин. Однако в стихийно нарастающем бунте были элементы организованности. В призывах к бунту, «повестках на бунт» были установлены сигналы к бунту — колокольный звон и бой трещоток. Народ знал, что по этому сигналу надо бежать на Красную площадь с каким-либо оружием: «с топорами, кольями, камнями, кистенями и другими орудиями»¹⁷, — отмечает в своих воспоминаниях московский профессор богословия

Алексеев. Восставшие предъявили Еропкину ряд требований.

Чумный бунт, несомненно, явился результатом возмущения, накопившегося у дворовых, крестьян и мануфактурных рабочих против своих владельцев. Чума, жестокие и бюрократические мероприятия властей по борьбе с нею только переполнили чашу терпения народа и послужили поводом к массовому возмущению против феодальной гнёта.

Антифеодального характера чумного бунта не поняли ни Соловьёв, ни Забелин, ни другие историки, которые считали чумный бунт случайным эпизодом и проявлением темноты и суеверия московского народа. Забелин писал: «Разграбив Чудов монастырь, толпы фанатиков и суеверов на другой день приступили к Донскому». И далее: «Упоённые буйством суеверия, ничего не пощадили они в своём иступлении»¹⁸.

Соловьёв также видел причины чумного бунта в суеверии московского плота и, главное, в военной беспомощности московской власти: «Причина печальных событий 15 и 16 сентября была для всех очевидна: ничтожность военных сил»¹⁹.

Брикнер в своей работе о чумном бунте писал: «Этот эпизод является случайным, местным, не имеет никакого отношения к вопросам политики, не оказывает влияния на политические дела»²⁰.

Ошибочное понимание причин чумного бунта и его характера не дало возможности Соловьёву, Забелину и Зерцалову правильно осветить вопрос о классовом составе участников бунта. Считая главными участниками событий фабричных рабочих, они недооценили роли дворовых и крестьян, которые в действительности и составляли основную силу бунта.

Рассмотрим ход событий. Поводом для движения послужило событие с «объявившейся чудотворной иконой» Боголюбской богоматери у Варварских ворот. По Москве распространился слух, будто именно названная икона дарует исцеление от ужасной болезни. С утра до ночи у Варварских ворот толпились больные и здоровые, «прикладывались» к иконе, служили непрерывные молебны, опускали в висевшую тут же кружку свои трудовые гроши. Во избежание распространения заразы от такого скопления народа архиепископ Амвросий решил перенести икону в церковь Кира и Иоанна, а пожертвованные на икону деньги — печатать и передать в воспитательный дом.

В 8 часов вечера 15 сентября 1771 г. Москва всполошилась от набата, раздавшегося у многих церквях города. Тысячи людей с дубинами, кольями, топорами и камнями в руках сбегались к Варварским воротам. Когда обер-полицмейстер Бахметьев прискакал к Варварским воротам, он был ошеломлён большим скоплением народа: «По моему уменьшительному примечанию, тут

¹⁸ Забелин И. «Описание Московского Ставропигиального Донского монастыря», стр. 18, 19.

¹⁹ Соловьёв С. Указ. соч., стр. 203.

²⁰ Брикнер А. «О чуме в Москве 1771 г.». «Русский Вестник» за 1884 г., сентябрь, стр. 7.

¹² ЦГАДА, ф. Тайной экспедиции, вязка 1/363, д. № 4, л. 127.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Письмо к Воронцову Петра Мокеева из Москвы от 16 октября 1771 года. Архив кн. Воронцова, кн. 16-я, стр. 469. М. 1880. Прав был арестованный дворовый Михеев, когда заявлял, что все слухи и разговоры были «народное сказывание».

¹⁶ Ленин. Соч. Т. XXI, стр. 202.

¹⁷ «Описание московского бунта 1771 г., составленное протоиереем Петром Алексеевым». «Русский архив», Год первый. 1863, стр. 497. 2-е изд.

народа до десяти тысяч, из которых большая половина с дубьем»²¹. «В народе сем находились боярские люди, купцы, подьячие и фабричники»²². — доносил Еропкин Екатерине II.

Собравшийся народ, не давая опечатать деньги, избил команду, присланную архиепископом Амвросием. С криком, что архиепископ грабит последние трудовые гроши народа, собравшиеся бросились в Кремль, к Чудову монастырю, где взперты отсиживался Амвросий. Предупреждённый о случившемся и досмерти перепуганный, он ускакал в Донской монастырь. Разгневаные москвичи, не найдя Амвросия, разгромили монастырь с находившимися под ним купеческими погребами. Полиция растерялась и бездействовала. Генерал-губернатор гр. Салтыков в это время спасался от моровой язвы в своём подмосковном имении Марфино, в 30 верстах от Москвы. Утром 16 сентября на улицах Москвы собралось ещё больше вооружённого народа, чем накануне. На городской стене была вывешена «холстина», т. е., вероятно, знамя.

Арестованный, служащий архива ревизион-коллегии, отставной солдат Тимофей Шмыгин на следствии показал, что «в то время оному Баженову²³ сказали, что нашли на городской стене холстину, кою реченный Баженов велел сечь»²⁴. Часть собравшихся направилась к Донскому монастырю, где на хорах собора был найден спрятавшийся там архиепископ. Его вывели за стены монастыря и убили. Другие бросились разбивать и уничтожать ненавистные им карантинные дома. «Разбили они два карантинных дома, распустя содержанных в тех, из коих первый Данилов монастырь, а другой — дом за Серпуховскими воротами, грозясь убить его генерал-поручика, полковника князя Мануйлова, доктора Ягельского и всех по комиссии его заразной болезни обретающихся за вывод больных в госпиталь и вывод здоровых в карантин»²⁵. Многие из восставших направились к домам московской дворянской аристократии. Так, «на Тверской к дому г-на советника А. Голицына приступили... и окна выбили». Дворянство испугалось, «что и свечи в домах погаскли, будто никого и дома нет, а иные, бросая именье, из до-

мов своих отступились, спасая только жизнь свою и домашних своих, скитались по отдалённым чужим домам, где больше почитали на те часы безопасности»²⁶. Многие дворяне заперли дворы, не выпуская своих дворовых на улицы Москвы. Так, дворовый человек Фёдор Фёдоров на следствии показал, что 15 и 16 сентября по приказу помещика, поручика лейб-гвардии конного полка Петра Киселёва, «со двора никого не спускали и ворота были заперты и приставлен был караул»²⁷. Дворовый князя А. А. Черкасского, Семён Безсонов, заявлял: «с 16 сентября по 21 были в доме безотлучно и никуда не отлучался... к тому же на том дворе как задние, так и передние ворота заперты были...»²⁸. Заперты были и ворота многих мануфактур, так что рабочие лишь небольшими группами посредством разных хитростей могли выбраться на улицу, чтобы примкнуть к восставшим. Так, ученик суконной мануфактуры Ефим Прокофьев на следствии роворачивает, что «у них фабрика всегда бывает заперта и из двора никого не пускают, за харчем же и за прочим ходят учреждённые наёмные на той фабрике отставные солдаты»²⁹.

Главная масса восставших 16 сентября собралась на Красной площади, стараясь проникнуть в Кремль: «Голда просила выдать с руками Еропкина, а ежели не будет выдан, то прозвизга страшными бедами всему столичному городу и потрясением разорительным государству»³⁰. Вознесенские же ворота были заперты затворами и железными спускными решётками, а в Спасских, Никольских и Боровицких воротах, по приказу генерал-поручика Еропкина, были поставлены пушки и собраны все воинские команды Москвы. Действовать Еропкин всё же не решался. Он выслал на площадь обер-коменданта, грузинского царевича, который уговаривал восставших прекратить бунт и разойтись. Ему ответили градом камней: «чуть... до смерти камнями не убили». То же восставшие сделали и с бригадиром Мамоновым, троюродным дядей фаворита Екатерины II, который «для того же увещания приезжал, чрезвычайно разбили голову и лицо», — доносил Еропкин Екатерине 19 сентября 1771 года³¹.

Восставшие подступили к Спасским воротам, и в команду посыпались камни и колья. Офицер Саблуков с своей командой «выстрелил один раз из пушки картечью, и несколько убив, остальных тотчас разогнали штыками, и потом несколькими выстрелами очистил от сих бунтовщиков всю Красную площадь»³².

²¹ ЦГАДА. Государственный архив, VI разр., д. № 410. 1771 г., л. 71.

²² Донесение генерал-поручика Еропкина Екатерине II от 18 сентября 1771 г. Государственный архив, разр. VI, д. № 440, л. 208.

²³ По нашему мнению, это был архитектор Баженов. Он был привлечён следственной комиссией, и на его показания в своих донесениях ссылался и Салтыков: «Он всё видел из модельного дома и многие речи слышал» (Донесение Салтыкова Екатерине II от 19 сентября 1771 г. «Русская старина», 1876 г., октябрь, стр. 204).

²⁴ ЦГАДА, ф. Тайной экспедиции, вязка 1/363, д. 4, л. 93.

²⁵ Донесение Салтыкова Екатерине II на основании донесения обер-полицмейстера Бахметьева. ЦГАДА. Гос. архив, д. № 410, л. 73 об.

²⁶ ЦГАДА. Гос. архив, разр. VI, д. № 410, л. 3 об.

²⁷ ЦГАДА, ф. Тайной экспедиции, 1771 г., вязка 1/363, д. № 4, л. 12.

²⁸ Там же, л. 99, 114.

²⁹ Там же, л. 114.

³⁰ «Описание московского бунта 1771 г., составленное протоиереем Петром Алексеевым», стр. 496. «Русский архив», год первый, 1863, 2-е изд.

³¹ «Русское слово» 1860, ноябрь, стр. 267.

³² Письма А. А. Саблукова своему отцу 1771 г. «Русский архив» 1866 г., стр. 332.

Так лаконически сообщал Саблуков своему отцу о расправе с восставшими москвичами. Подробнее описал, как было подавлено восстание, современник Болотов: «В дело были пушены пушки, заряженные ядрами и картечами; и как из сих посыпались на них они последние, а первые целыя улицы между ими делать начали, перехватывая кого на-двое, кого попере́к, и у кого руку, у кого ногу или голову отрывая... попадая в стремившуюся народную толпу и достигая до самой улицы Ильинки, одним выстрелом по несколько десятков умерщвляли»³³. Восставшие разбежались, военные команды разъезжали по улицам, стреляли и рубили московский люд. Так, дворовый мальчик 15 лет Иван Иванов сообщил в следственной комиссии: «на Лубянке 16 сентября... взят военною командою... а при взятии ево порубили ему тесаками голову»³⁴. Дворовый Иван Юрилов показал: «на Тверской гусары разбили (ему) голову и взяли в Кремль»³⁵. Пётр Гаврилов, дворовый 68 лет, был взят у Воскресенских ворот, «а при том взятии голова ему проломлена и левая щека оцеплена»³⁶. За Пречистенскими воротами был взят солдатами у ворот своего дома дворовый Тихон Зубков за то, что он спросил у солдат, почему они так бьют арестованных³⁷.

Ни избиения, ни аресты не могли сразу усмирить пострадавшее московское население. «Утро 17 числа, т. е. в субботу, настало, то сии толпы черни опять собрались до тысячи или больше человек и прямо к Спасским воротам приступили». Они требовали, 1) «чтоб дали к ним одного гвардии офицера, называя переметчиком, с которым они обо всём говорили... 2) открыто требовали отдать им всех взятых товарищей, содержащихся в Кремле под караулом... 3) чтобы в карантины никою не брать... из карантинных всех выпустить и оные уничтожить... бани распечатать... Генерал Еропкин велел конной команде захватить сзади и их разогнать, как, будучи с обнажёнными палашами, в точности то и исполнили»³⁸. Вернувшийся в Москву генерал-губернатор Салтыков выслал на площадь Великолуцкий полк и приказал стрелять в собравшихся. Народ разбежался. И опять солдаты рубили и хватили москвичей.

Восстание в Москве немедленно нашло отклик в окрестностях Москвы и уездах Московской губернии. Так, 19 сентября Салтыков доносил императрице: «Сейчас получена ведомость, что на Пахре собирается много всякого народа, и хотят итти в Москву со всяким их орудием... грозятся всё разорять»³⁹.

Два дня спустя генерал-губернатор бил

³³ Записки Болотова. Т. III, стр. 31.

³⁴ ЦГАДА, ф. Тайной экспедиции, вяз. I/363, д. 4, л. 60.

³⁵ Там же, л. 18.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же, л. 13.

³⁸ Донесение Салтыкова имп. Екатерине II ЦГАДА. Гос. архив. VI разр. д. № 410, л. 4.

³⁹ Там же.

тревогу о положении в Московском уезде. В донесении на имя императрицы он уведомлял её, что по дворцовым и экономическим вотчинам ходят люди в солдатских мундирах, заставляют попов дитать перед народом указы, якобы посланные из губернской канцелярии, и принуждают старост и выборных подписываться, что «как скоро услышат в Москве набат или пушечную стрельбу, то бы все в Москву бежали с дубинами и рогатинами»⁴⁰.

Московское дворянство было напугано восстанием больше, чем чумой, что Салтыков и выразил в донесении Екатерине II: «Пожалейте, милостивая государыня, о нас бедных живущих в Москве, с одной стороны чума... а с другой бунт, так чума когда ещё придёт, а бунтовщики изрежут»⁴¹.

Императрица также была обеспокоена характером, размерами, упорством и продолжительностью восстания в Москве. Были приняты меры для подавления бунта и успокоения москвичей. В Москву прислали четыре лейб-гвардейских полка. Генерал-губернатор Салтыкова заменили генерал-поручиком П. Д. Еропкиным, получившим орден за подавление восстания. В Москву для следствия и «суда приехала генеральная комиссия из восьми человек во главе с графом Григорием Орловым и генерал-прокурором Всеволожским. После приезда комиссии в Москве возобновились облавы на участников восстания, которых искали в каждом доме, допрашивая, нет ли раненых или «пощарапанных», что служило достаточным подтверждением участия в восстании и основанием для ареста. Так дворовый человек Василий Иванов на следствии показал, что 17 сентября он ходил в город для покупки себе чулок и кушака, когда он возвращался домой, его остановила гусарская команда, которая обыскала его и хотя ничего не нашла, но, по его словам, «порубили ему голову саблею и на том месте покинули, с которого эн едва мог дойти до своей квартиры, и как спустя после того дня с четыре, т. е. в среду 21 сентября, был обыск по дворам, что нет ли кого раненого, то по объявлению... сержанта взят на съезжий двор, а оттуда посажен в Кремль»⁴².

В то время как член комиссии, генерал-прокурор Всеволожский путём допросов и пыток доискивался активных участников бунта, председатель комиссии граф Г. Орлов развивал не меньшую деятельность по успокоению москвичей путём оказания помощи больным и немощным. В Москве было увеличено количество больниц и улучшено обслуживание больных. За работу в больнице крепостные отпускались на свободу. Так, в рапорте мануфактур-коллегии о получении указа Правительствующего сената от 31 мая, за № 2734, читаем: «О бытии бывшим... во услужении больных, взятым с Большого суконного двора фабришным Ивану Чумину с товарищи, всего

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

⁴² ЦГАДА, ф. Тайной экспедиции, вязка I/366, д. 4, л. 82.

пятнадцати человекам, за их понесённые труды от подданства фабрикантов свободным и о выключке от платежа их казённых податей»⁴³. Больных обеспечивали не только бесплатным питанием, но и одеждою и деньгами: «Сверх получаемой до ныне довольной пищи и новой одежды, при выпуске производить всякому обоаго пола человеку, женатому по 10, а холостому по 5 рублей, что и производилось. Таковое награждение, а к тому частые и скорые выпуски столько действовали, что многие сами приходили объявлять свою болезнь»⁴⁴. Так доносила комиссия Екатерины. Неимущим было предоставлено право хоронить своих умерших родственников бесплатно на кладбищах, перенесённых за Москву. Орлов отменил распоряжение о сожжении вещей, организовав дезинфекцию их, и открыл торговые бани.

В Таганке открыли дом для детей-сирот. Увеличили привоз продовольствия в Москву. Граф Г. Орлов предложил сенаторам «для предосторожности о сохранении рода человеческого от приличивых болезней... имевшихся в здешнем городе мастеровых и ремесленных людей в необходимом случае пропитанием снабдить»⁴⁵. Изделия московских ремесленников скупались правительством. У 3988 ремесленников было куплено товаров на 10 тыс. рублей⁴⁶. Было сожжено больше трёх тысяч ветхих выморочных домов. Более 6 тыс. домов, в которых находились больные, было очищено и выкурено. Из этого следует, что более 9 тыс. домов в Москве подверглись чумной заразе. В борьбе с чумой комиссия за два с половиной месяца израсходовала 95 тыс. руб., в то время как Ерошкин за пять с половиной месяцев израсходовал 53 тыс. руб. О расходах статей говорит следующая ведомость комиссии⁴⁷:

На какие потребности	Руб.	Коп.
На платье и обувь	16 367	24
На мелочные разные расходы	43 829	10 3/4
На пищу	17 954	71 3/4
На порцию караульным при карантинях	5 381	61 1/2
Выдано в награждение выпускаемым из предохранных домов разного звания людям	4 749	
На разные строения	3 812	54 1/2
Итого	92 094	211 1/2

Сверх того... обер-полицмейстером Бахметевым употреблено в расход 3000 рублей».

Принятые меры дали положительный результат. «В сентябре умерло 21 401 чел.,

в октябре—17 561 чел., в ноябре—5235, а в декабре—805 чел.»⁴⁸. Мордовцев объяснял уменьшение чумной эпидемии тем, что чума не находила больше жертв. Нечаев ставил это в связь «с холодами, начавшимися с 20 числа сентября»⁴⁹. Екатерина же убьель чумы в Москве считала заслугой Гр. Орлова, и в память его деятельности была выбита медаль с надписью «За избавление Москвы от язвы» и воздвигнуты триумфальные мраморные ворота в Царскосельском саду с надписью: «Орловым от беды избавлена Москва». Однако заслуга в спасении Москвы и Московской области от дальнейшего вымирания во время чумы принадлежит только участникам чумного бунта, ибо это они заставили правительство принять надлежащие меры по борьбе с чумой.

В начале ноября приговор генеральной комиссии над виновниками и соучастниками бывшего в Москве бунта был подписан императрицей, а в пятницу 11 ноября москвичи были свидетелями произведённой экзекуции. По приговору, четыре человека были повешены: дворовый Василий Андреев и московский купец Иван Дмитриев—у стен Донского монастыря, как инициаторы убийства архиепископа Амвросия, а дворовые Алексей Леонтьев и Фёдор Деянов—на Красной площади для устрашения московского простонародья. На Неглинной площади, Царицынском луку, у ворот Земляного вала и Белого города 72 человека были биты кнутом, закованы в кандалы и отправлены в Рогервик и на галеры. 89 человек секли плетью и отправили на казённую работу. 12 подростков высекли розгами⁵⁰. По подсчётам доктора Шафонского, чума унесла за год минимум 53 тысячи москвичей⁵¹. Сама же Екатерина в письме к Гримму называла цифру «более ста тысяч человек»⁵². Самойлович на основе списков архива сената считал, что только в окрестностях Москвы погибло 75 398 человек. Итак, в Москве и Московской губернии за год чума унесла около 200 тыс. человек.

Кто же были участники бунта?

Донесения Еропкина, обер-полицмейстера Бахметьева и записки современников дают ложное представление об этом вопросе, считая главными действующими лицами бунта фабричных рабочих. Правильный ответ об участниках бунта даёт следственное дело над участниками мятежа.

По материалам следствия, первое место среди участников бунта занимали дворовые люди. Большую группу составляли дворцовые крестьяне и крестьяне экономиче-

⁴⁸ «Описание моровой язвы», стр. 123.

⁴⁹ Нечаев В. «Чума 1771 г. в Москве», стр. 50, 1911.

⁵⁰ Полное собрание законов (ПСЗ), Т. XIX, № 13695, стр. 364—371.

⁵¹ «Описание моровой язвы», стр. 123.

⁵² Письмо Екатерины к Гримму от 30 января 1775 г. из Москвы. «Русский архив» 1878 г., кн. 3, стр. 14.

⁴³ ЦГАДА, ф. Правит. сената, 5 деп. 1771—1773 гг., д. 6/№, л. 15.

⁴⁴ «Описание моровой язвы», стр. 110.

⁴⁵ ЦГАДА, ф. Правит. сената, 5 деп. 1771—73 гг., д. 6/№, л. 1.

⁴⁶ Там же, л. 14.

⁴⁷ Там же, 1771—72 г., д. 6/№, л. 325.

ской коллегии, которые в Москве занимались разными ремёслами. Дальше шли мануфактурные рабочие. Среди оставшихся были купцы III гильдии, солдаты Московского полка, низшее духовенство, копиисты канцелярий, а также женщины. Из дворян участвовал лишь один прапорщик.

В первые дни бунта было арестовано 297 человек, из них 148 дворовых, 58 крестьян, 12 мануфактурных рабочих, 10 ремесленников, 20 солдат, 23 купца, 10 канцелярских служащих, 9 служилых людей и 7 духовных лиц. Такое же соотношение участников нам дают и цифры наказанных плетью и сосланных на казённую работу и в Рогервик. Из 161 человека, подвергшихся экзекуции, — 78 дворовых, 35 крестьян, 6 фабричных, 3 ремесленника, 8 солдат, 15 купцов, 7 духовных лиц, 6 канцелярских служащих, 1 служилый и 1 прапорщик.

Чумный бунт имел крупное политическое значение, являясь выражением протеста московского народа против феодального гнёта. Поэтому Екатерина II не замедлила разослать указ по Московской и другим губерниям о ловле сбежавших из Москвы мятежников и о борьбе с ними. «В Москве полный народ... делали мятеж... из которых многие злодеи и переловлены, а прочие разбежались, и не безизвестно, что в некоторых седениях разносят ложные злодейские касающиеся к замешательству служб. Того ради по указу ея императорского величества Правительствующий сенат приказали: о сём

публиковать с тем, чтоб никто таким злодейским ложным разглашением отнюдь не верил, и где таковые злодеи, или хотя мало в чём подозрительные окажутся, оных тотчас ловя отдавать в городовые канцелярии... сентября 24 дня 1771 года»⁵³. В Тульскую оружейную канцелярию было срочно послано распоряжение сената с уведомлением: «иметь крепкое смотрение и примечание, не будет ли кто из подозрительных людей как из казны, так партикулярно у мастеровых покупать ружья, а особливо во множественном числе и буде таковые явятся, то не токмо им тех ружей отнюдь не продавать, но и их самих брав и за крепким караулом присылать в Московскую губернскую канцелярию и в Сенат, в тож время репортзвать»⁵⁴.

Наметившийся кризис крепостной системы в России был главной причиной народных движений 70-х годов XVIII столетия. Началом этого движения явился чумный бунт в Москве. Несмотря на ограниченность чумного бунта, как в требованиях, так и в территориальном отношении, он содержал в себе все основные черты антифеодальной борьбы. Стихийный массовый характер и упорство бунта свидетельствуют, что в основе его лежали глубокие социальные причины.

⁵³ ЦГАДА, ф. Правит. сената, 5 деп. 1771 г., д. 6/№, л. 4

⁵⁴ Там же, л. 1. и об.